

Языковые параллели: о чем могут рассказать сходства и различия языков, генетически и типологически разных?

А. И. Кузнецова

Московский государственный университет

kuzn@kuznec.mccme.ru; leon@philol.msu.ru

Сравнение современного селькупского языка (представителя самодийской группы уральской языковой семьи) с современным русским и древнерусским показывает, что селькупский имеет в области грамматики сходств с древнерусским языком, который за истекшие столетия сильно изменился (чего мы не можем сказать о селькупском языке) больше, чем с современным русским. В настоящее время селькупы в силу экстралингвистических причин могут легко перейти на русский язык и совсем перестанут говорить на родном языке после ухода из жизни старшего поколения.

Вопрос, вынесенный в заглавие доклада, предполагает возможность специфического диалога, в котором исследователь самому себе задает вопрос, и сам же (или другой исследователь) ищет на него ответ, в свою очередь порождающий следующий вопрос, вызывающий новый ответ, и так до бесконечности, являя собой развитие науки. Сравнение современного языка северных селькупов с русским языком разных периодов развития, анализ текстов на том и другом языке позволяет сделать немало любопытных наблюдений, касающихся общетеоретических проблем, о которых писал в свое время Вильгельм Гумбольдт (в частности, о стадиях развития языков, о наличии одних и тех же универсалий). Исходя из этих предпосылок, можно утверждать, что селькупский давно достиг своей стабильности, но он не имел тех условий, при которых язык, сильно изменяясь, продолжает свое существование, как это произошло с русским языком.

Первый вопрос, приходящий в голову слушающему / читающему, это – допустимо ли и зачем сравнивать языки, далекие генетически, во многом различающиеся типологически и относящиеся к разным историческим периодам? Философский ответ можно найти в работе В.Гумбольдта ‘О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития’ (1820 г.): ‘Как земной шар, который прошел через грандиозные катаклизмы до того, пока моря, горы и реки обрели свой настоящий рельеф, с тех пор остался почти без изменений, так и языки имеют некий предел своей завершенности, после достижения которого уже не подвергаются никаким изменениям ни их органическое строение, ни их прочная структура. Зато именно в них как живых созданиях духа (Geist) могут в пределах установленных границ происходить более тонкие образования языка. Если язык обрел свою структуру, то основные грамматические формы не претерпевают никаких изменений; тот язык, который не знает различий в роде, падеже, страдательном или среднем залоге, этих пробелов уже не восполнит; большие семьи слов также мало пополнятся основными видами производных’ [Гумбольдт 1984: 307-308]. С каким же этапом развития русского языка

имеется сходство у современного селькупского в области грамматики, и в чем именно оно обнаруживается?

Грамматические черты сходства двух языков

Считается, что оба языка относятся к языкам так называемого номинативного строя, а это предполагает противопоставление субъекта и объекта, с одной стороны, и номинатива и аккузатива, обычно их выражающих, с другой стороны. Правда, при ближайшем рассмотрении данного вопроса оказывается, что в уральских языках употребление аккузатива сильно отличается от его функционирования в русском языке. По словам А.П. Володина, ‘квалификация уральских языков как “номинативных” – ярчайшее свидетельство того, что специалисты до сих пор смотрят на эти языки “через индоевропейские очки”’ [Володин 2000, с. 28]. Далее будет рассмотрено несколько примеров из морфологии и синтаксиса обоих языков.

1. В древнерусском языке управление в ряде случаев было иным, чем в современном русском. К особенностям такого рода относится, в частности, употребление при переходных глаголах вин. п. ед. ч., равного по форме им. п.¹ существительных, означающих детей, животных, и некоторые другие слова: *закоупь* (‘человек, отрабатывающий ссуду или долг’)... *погоубить воискъи конь* (Русская Правда 1282 г.); *жена дѣтиць роди* (Лавр. л.). Кроме того, с XIII в., по свидетельству П.С. Кузнецова, ‘наметилась достаточно ясная тенденция совпадения форм им. и вин. п. мн. ч. у тех существительных, где они в древнейших памятниках еще различались. В результате указанных колебаний выработалась единая форма им. и вин. п., которая обычно соответствует вин. п. у существительных твердой разновидности и старому им. п. у существительных мягкой разновидности’ [Борковский, Кузнецов 1963: 201]. В современном русском языке древняя форма им. п. мн. ч. твердого склонения основ на -о сохранилась с окончанием -і лишь в двух словах: *соседи, черти*. Уже в период XI в. (см. Остр. ев.) при развитии категории одушевленности появляются случаи употребления род. п. в значении вин. п. в силу близости некоторых их функций (значение части объекта и значение объекта при отрицании). Форма род. п. вместо вин. получила название ‘родительный-винительный’. Памятники XIII-XIV вв. обнаруживают колебания (вплоть до XVI в.) между формами старого вин. п. и род.-вин. п. Условием сохранения старой формы вин. п. было наличие при нем предлога (что невозможно при им. п.!). Примеров сохранения старой формы вин. п. с предлогом (когда-то употреблявшегося параллельно и без него) достаточно много: *выйти в люди, пойти в гости, призвать в солдаты; “Не рвусь я грудью в капитаны, И не ползу в асессора”* и др.) [Борковский, Кузнецов 1963: 208-211]. Не коснувшись истории происхождения этого феномена, А.А. Зализняк предложил исключительно с синхронной точки зрения четыре толкования данного падежа во мн. ч. с предлогом, так и не выбрав ни одного из них [Зализняк 1967: 50-51], что мешает использовать подобные примеры в работах при типологических исследованиях.

¹ Предполагается, что им. и вин. п. ед. ч. в склонениях на -о, на -и и на -і перестали различаться еще в праславянский период в результате фонетических изменений. Начиная с XI в., в процессе развития категории одушевленности в древнерусском языке для различения им. и вин. п. в ед. ч. в склонении на -о стала использоваться форма род. п. в значении вин. п., получив название ‘род.-вин. падеж’ (считается, что род. п. в этом случае используется в функции, близкой к функции вин. п., а именно – части объекта и в значении объекта при отрицании). В XIII в. в памятниках обнаруживаются колебания между формами вин. п. и род.-вин. п. Сохранению формы вин. п. способствовало наличие предлога при нем, благодаря которому вин. п. оказывался отличным от им. п.

Случаи неразличения им. и вин. п. по форме и по функциям широко обсуждаются сегодня в лингвистике; при этом вин. п., внешне совпадающий с им. п., часто именуется 'неоформленным аккузативом', вызывая бурные споры; иногда вин. п. называется номинативом, имеющим не только субъектное, но и объектное значения; не исключается интерпретация омонимии номинатива аккузативу или, наоборот, декларируется кумуляция в номинативе функций двух падежей (аккузатива и номинатива). Иными словами, одни исследователи в споре о Nom./Асс. исходят из корреляции падежей по форме ('номинатив/аккузатив'), другие – из противопоставления их по функции ('субъект/объект'). Однако, как заметил в свое время Б. Комри, в языках (он имел в виду уральские языки) нет 'однозначного соответствия между синтаксическими и морфологическими категориями' [Comrie 1975: 15-17]. Их пересечения в разных языках могут быть различными. В последнее время наметился принципиально новый подход к решению наболевшего вопроса – с точки зрения коммуникативной структуры высказывания, решаемый на материале марийского языка [Толдова, Сердобольская 2002: 124]. Во всех случаях исследователи ориентируются (в основном) только на современное состояние языков, поскольку ни у одного уральского языка на территории России нет памятников письма такой древности, как у русского языка. Между тем, как писал еще в 1974 г. А.А. Потебня, '...в языке, если рассматривать достаточно продолжительные его периоды, все подвижно и ничто не проводится до конца' [Потебня 1958: 301]. Поэтому, не зная зафиксированной в памятниках письма истории уральских языков, трудно надеяться на всеми единогласно принимаемое решение вопроса. Иногда ураллисты обращаются к гипотетическим прареконструкциям, что не снимает всех вопросов. Для современного селькупского языка в настоящее время (как, впрочем, и для многих других уральских языков) также характерно наличие падежа, который в свое время Д.В. Бубрих назвал 'Асс.-Nom'. Споры о возникновении Асс. в уральских языках сводимы к двум основным точкам зрения: 1) Асс. (суффикс -m) существовал уже в протоуральском языке (Б. Коллиндер); 2а) Gen. и Асс. нельзя отнести к древнейшему падежному слою в уральских языках (Б.А. Серебренников); 2б) -m-овые образования имели первоначально не аккузативные, а какие-то иные функции (Д.В. Бубрих). Д.В. Бубрих предположил также, что вин. п. сложился впервые у местоименных основ финно-угорских языков, а появление вин. п. в рамках существительных финно-угорских, а затем и самодийских языков объясняется параллельным развитием. Н.М. Терещенко [Терещенко 1973: 185], поддерживая вторую точку зрения, склоняется к мысли, что существовало такое состояние самодийских языков, 'когда винительный падеж еще не сформировался, и имя в одной и той же назывной форме служило для выражения и субъекта действия, и прямого объекта... Эта форма не была формой им. п., но представляла собой бессуффиксальную именную форму, легшую впоследствии в основу всей парадигмы склонения. С возникновением вин. п. как падежа, специально употребляемого для выражения прямого объекта, былая широта употребления этой бессуффиксальной формы значительно сузилась. Ее основной функцией стало выражение субъекта предложения. Однако в известных случаях она сохранилась и как особый способ выражения прямого дополнения, характеризуя в одних самодийских языках определенность, в других – неопределенность прямого объекта.' [Терещенко 1973: 185]. Общий вывод Н.М. Терещенко сводится к мнению, что выражение прямого дополнения в форме им. (основного) п. представляет собой более старое явление, пережиточно сохраняющееся в отдельных диалектах самодийских языков. А.П. Володин также считает типологической доминантой уральских языков их безаккузативность [Володин 2000]. Дополнительную трудность в определении статуса рассматриваемого падежа (Асс./Nom.) создает наличие в языках уральской семьи противопоставления *определенный*

/неопределенный, субъектный/объектный² тип спряжения. По наблюдениям Г.Н. Прокофьева, замена вин. п. формой им. п. связана, с одной стороны, с формами повелительного наклонения, с другой, – с выражением определенности прямого дополнения [Прокофьев 1935: 85-86]. Одновременно эти противопоставления позволяют установить некоторые закономерности в употреблении данных падежей, не зависящие от одушевленности / неодушевленности³, от типа склонения имени и от рода, как в русском языке старшей поры, но обусловленные во многом типами спряжения глаголов. Иными словами, причины обсуждаемого явления (случаи совпадения объекта в Nom.) разные, а результаты – одни и те же.

Так, в селькупском языке при наличии в текстах глаголов субъектного спряжения обычно отсутствует прямое дополнение, выраженное им. п. (в противном случае дополнение было бы с трудом отличимо от подлежащего). При глаголах в объектном спряжении дополнение в им. п. встречается, хотя относительно редко (что прослеживается по северно-селькупским текстам [Очерки 1993]), но его маркирует сам глагол, так что спутать дополнение с подлежащим нельзя. Особенно часто это наблюдается при глаголах в императиве (в том числе и при глаголах субъектного спряжения). Напр.: *Nūny tər mārtykty saŋantyty* ‘Потом он вершу-свою проверил’; *Tattōty macin nōny pō!* ‘Принеси из леса дрова!’ Следует иметь в виду, что ‘граница использования субъектного и объектного типов спряжения не совпадает с границей непереходных и переходных глаголов’ [Очерки 1980: 234-235]. Если иногда при отсутствии объектного спряжения (особенно в 3Sg) все-таки встречаются случаи прямого дополнения в им. п., это можно объяснить принципом экономии в языке, возрастающим в последнее время, в результате чего показатель объектного спряжения 3Sg *-tu* утрачивается [Кузнецова 2002: 512-522].

2. В обоих языках широко распространен при составном именном сказуемом Nom. Duplex. Правда, в древнерусском и селькупском способы выражения двойных Nom. отличаются друг от друга. В памятниках XIV-XV вв. встречаются, напр., выражения: “и сдѣлаша градъ и нарекоша и Новѣгородъ” (Лавр. л.); “а та пожня Крестьци, вотчина была князя Семена” (Яросл. правая докладная гр.); “...ты имь будешь печалникъ (Моск. духовная гр. XIV в.)” и т.п. В этих примерах второй именительный в составе сказуемого допускает замену творительным падежом. Так, в разных списках Лаврентьевской летописи 1377 г. встречается “бѣша оу него Варязи и Словѣни и прочи и прозвашася Русью / русь”.

² Тип спряжения выражается в выборе для глагола окончания одной из двух серий. Окончания серии субъектного типа спряжения формально близки к окончаниям предикативных форм имени, а окончания второй серии – к окончаниям посессивных форм имени [Очерки 1980, с. 234-235]. Объектный тип спряжения не встречается у непереходных глаголов, зато субъектный тип спряжения возможен при глаголах как непереходных, так и переходных: *Alako kūra* ‘Лодка плывет (по течению)’, *Alako kūryŋyty* ‘Лодку несет по течению’. Категория типа спряжения косвенно указывает на отношения между субъектом и объектом через их отношение к действию. В результате тип спряжения и залог оказываются категориями близкими, и при отсутствии грамматически выраженной категории залога можно говорить о залоговом компоненте, который заключен в семантике [Кузнецова 1999: 92-95].

³ В отличие от рода, которого не было и нет в современном селькупском языке, категория одушевленности / неодушевленности фиксировалась исследователями в течение XX в. Реализовывалась она в нескольких падежах, где были разные окончания для одушевленных и неодушевленных предметов / лиц.

В отличие от древнерусского языка, где глагол составного сказуемого может стоять в любом времени, а второе существительное иметь форму именительного падежа, в селькупском само второе существительное стоит в форме вербальной (предикативной) репрезентации (показатель *-η* со многими вариантами, обычно – с гласными до или после этого согласного). Существительные в предикативной форме имеют категории лица и числа, сходные с лично-числовыми окончаниями глагола в субъектном спряжении. Предикативные формы образуются преимущественно от одушевленных существительных, хотя формально допустимы (но реально не встречаются) и от неодушевленных. Фраза “Я – брат” будет звучать как одно слово *īmsaηǰk* (букв. что-то вроде ‘я братую’). Соответственно *qumǰnty / qumǰηǰnty* ‘ты человек’ (возможны оба варианта; букв. ‘ты человекаешь’) и вся остальная парадигма глагола *Ǧqo* ‘быть, есть’ встречается в трех лицах и в трех числах в настоящем времени, прибавляемая к основе существительного. Правда, для 3-го лица всех чисел специальных показателей предикативности нет, используются формы Nom. соответствующего числа⁴. В отношении именно этой формы и можно говорить о наличии в селькупском Nom. Duplex. Кроме того, сами предикативные формы существительных не передают временных различий. При необходимости передать время действия используются сочетания имени в вербальной репрезентации с формами времени глагола *Ǧqo* ‘быть’. В таких случаях появляются Nom. Duplex, причем второе существительное чаще стоит просто в Nom., а иногда в вербальной репрезентации, напр.: *Tǣp īja Ǧsa* ‘Он ребенок был’; *Palna pǣnakysa Ǧsa* ‘Пална богатырь был’; *Mat ījaηǰk Ǧsak* ‘Я был ребенок’, *TǦ pǣnakysaηlyt Ǧntǰlyt* ‘Вы будете богатыри’; *Qajyl’ qumyn ījanǰnty Ǧsanty* ‘Какого человека сын-ты был?’ [Очерки 1980:188-190; 369; Очерки 1993: 33]. В ‘Синтаксисе самодийских языков’ Н.М. Терещенко, называя вербальную репрезентацию (предикативные формы) существительных именным сказуемым (в отличие от глагольного), считает, что в селькупском языке ‘употребление именного сказуемого сравнительно с ненецким значительно сужено’ [Терещенко 1973: 168], поскольку в селькупском для выражения временного оттенка (не говоря уже о значении вида и склонения) используется аналитическая конструкция [Терещенко 1973: 159-171], но именно это обстоятельство увеличивает количество совпадений между древнерусским и селькупским в области грамматики.

3. К числу сходств в области синтаксиса у селькупского и русского языка древнего периода относится, напр., смысловое согласование собирательных существительных, имеющих форму Sg, с глаголом в Pl: *А пойдуть на насъ Литва* (Моск. договорная грамота 1368 г.); *рекоша дружина Игореву* (Лавр. л.); *а клянъ тогда много побиха литва* (Ипат. л.) и т.п. В ряде русских говоров смысловое согласование собирательного существительного с глаголом во множественном числе фиксировалось еще в середине прошлого века, как, напр., в Осташковском р-не Калининской области: *Все народ пошли на город*. Аналогичная ситуация наблюдается и в современном селькупском языке: *Мьты* (Sg) *ukkyrna сьηǰlyt* (Pl) ‘Войско непрерывно стреляет’ (букв. ‘стреляют’); *Qǰtyt tamtyr* (Sg) *oraηǰlyt* (Pl) *tunkǰsum* ‘Горожане (букв. ‘города народ’) ловит (букв. ‘ловят’) кольцо’; *Loš-irat qǰnty* (Sg) *nīl’syk orussǰlyt* (Pl) ‘Черта-старика пепел (Sg) так говорит’ (букв. ‘говорят’) т.п. При собирательных существительных на *-l’ту* возможно двоякое согласование – по

⁴ Данный факт можно интерпретировать двояко: 1) как наличие кумулятивного значения предикативности и лица-числа в форме 3л. настоящего времени и 2) как неполную (дефектную) парадигму в вербальной (предикативной) репрезентации существительных.

единственному и множественному числу: *Ījal'my som F̄ŋa / F̄ŋātūt* 'Детвора хорошая есть / суть'.

4. Для современного селькупского языка (с его тенденцией к агглютинации, синтетизму и суффиксации) характерно наличие второстепенного сказуемого, типичного также для древнерусского языка и сохранившегося в современном русском в некоторых диалектах и в просторечии. Речь идет о полипредикативных конструкциях, в которых предикат в зависимой части предложения выражен причастной формой, а в главной – глаголом. При этом субъект главной и зависимой частей может быть один и тот же (моносубъектные предложения), а могут быть разные (полисубъектные предложения), как в знаменитой фразе 'Подъезжая к селу (городу, деревне...), шляпа моя слетела'. В древних русских летописях, напр., в Ипатьевской, часто встречаются полипредикативные конструкции, называемые также в русистике предложениями с второстепенным сказуемым: *Пошелъ бѣ Дюрги въ Русь, слышавъ смерть Изяславлю* (Dat. Px); *увѣдавше смерть князю* (Dat. Px) *Ростовци и Суждальци .. и съѣхашася*⁵.

В селькупских текстах случаев с второстепенным сказуемым великое множество, напр.: *И'са imamty qold cura* 'Старик жену-свою видя, заплакал'; *Imamty col̄d qassa* 'Жену-свою, догоняя, пошел'; *m̄t̄ l̄ərld̄ n̄ik̄ k̄ət̄āt̄yt* 'в дом войдя, так сказали'; *Ica, man̄ əmylt̄ɛld̄ ī.nnd̄ am̄m̄ɛmp̄ar̄ tat̄ t̄ūt̄al* 'Ича, я забывши, съела твоего карася-твоего' (Nom., поскольку речь идет об определенном карасе. См. выше об употреблении Nom/Асс) и т.д. В селькупском языке примеров такого типа едва ли не больше, чем в древнерусском.

Сопоставление селькупского языка XX вв. с русским языком древней и старшей поры можно продолжать. Оно будет касаться форм супина, типов предложений, бессоюзия и т.п., в разной степени присущих грамматике древне- и старорусского языка. Основным отличием селькупского, как и любого другого уральского языка, от русского языка (в том числе и древнего периода его развития) является отсутствие в селькупском грамматической категории рода и слабая выраженность залоговых значений. Залоговые отношения в русском языке древних памятников были также развиты слабо, но постепенно в русском языке оформились регулярные залоговые оппозиции, чего в современном селькупском так и не произошло.

Некоторые итоги

Известно, что русский язык сильно изменился к концу XVII в. Каким был селькупский язык до XVII в. и в последующие века (по крайней мере, до середины XIX в.), сказать трудно, но, судя по описаниям его в течение всего XX в. он не столько менялся, сколько забывался при каждой смене поколений. Чем это можно объяснить?

Изменения в русском языке постоянно происходили в самой системе языка под воздействием внутренних причин, к которым можно отнести (не говоря о наличии письменности) появление в XVI в. приказного (писцового) делопроизводства, частно-правового акта (судебных дел). С конца XV века появились посольские книги (первые книги дипломатических сношений), с чем был связан переход с полуустава на скоропись;

⁵ В приведенных примерах обращает на себя внимание также наличие Dat. Px (дательный принадлежности). Встречаются они и в других памятниках. Так, А.А. Потебня приводит примеры, показывая, что Dat. Px может быть при существительных разной семантики: *Прѣжде пришьствия Христу; по приати ми* (энклитическое местоимение в Dat.) *отъ бога великий даръ; отъшьствия Савѣ; създатель миру; восход солнцу* и т.п. [Потебня 1958, с. 387].

изменились сами функции языка и под влиянием возникших новых потребностей удовлетворения государственных нужд возникли условия, которые повлияли не только на изменение жизни, но и на изменение языка.

Ничего подобного у селькупов, не имевших ни своей государственности, ни письменности и т.д., не было, в связи чем не появилось и потребности заводить собственное делопроизводство, вести отчетность, переговоры. Все делала русская администрация. В результате язык остался в рамках старых потребностей, обслуживая род и семью. В течение долгого времени селькупский находился в состоянии стабильности. Однако, не имея внутренних причин, в силу которых происходили бы изменения в языке, селькупский ощущал на себе давление извне со стороны русского языка. Особенно сильно изменилась ситуация с селькупским языком за последние 50 лет. Продолжая испытывать сильное влияние современного русского, селькупы могут полностью оказаться русскоязычными после ухода из жизни старшего поколения, тем более, что пробуждение этнического самосознания, как у хантов и манси, у них идет (если вообще об этом можно говорить) чрезвычайно медленно.

В итоге хотелось бы обратить внимание исследователей-типологов на необходимость при обращении к материалам разных языков учитывать соответствие языков друг другу по многим признакам (статус языка социальный, территориальный, временной и т.д.), о чем шла речь в статье.

Литература

1. Борковский В.И., Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
2. Бубрих Д.В. Сравнительная грамматика финно-угорских языков в СССР // Уч. зап. ЛГУ. Сер. вост. наук, вып. 2. Советское финно-угроведение, 1. Л. 1948.
3. Володин А.П. Безаккузативность как типологическая доминанта уральских языков (на материале финского) // Материалы международной научно-методической конференции преподавателей и аспирантов, посвященной 75-летию кафедры финно-угорской филологии СПбГУ. СПб.: СПбУ, 2000. С. 28-37.
4. Гумбольдт В. О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития // Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. С. 307-322.
5. Зализняк А.А. Русское именное словоизменение. М., 1967.
6. Кузнецова А.И. Вариативность средств выражения грамматических категорий в селькупском языке как свидетельство изменения языковой системы // Языки мира. Типология. Уралистика. Памяти Т. Ждановой. Статьи и воспоминания. М.: Индрик, 2002. С. 512-522.
7. Кузнецова А.И. Селькупский язык с точки зрения типологии порядка слов // Типология и теория языка. От описания к объяснению. М., 1999: 88 -98.
8. Очерки – Кузнецова А.И., Хелимский Е.А., Грушкина Е.В. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Т. 1. МГУ, 1980. Кузнецова А.И., Казакевич, Иоффе Л.Ю., Хелимский Е.А. Т.2. М., 1993.
9. Прокофьев Г.Н. Селькупская грамматика. Л., 1935.
10. Терещенко Н.М. Синтаксис самодийских языков. Простое предложение. Л., 1973.
11. Толдова С.Ю., Сердобольская Н.В. Некоторые особенности оформления прямого дополнения в марийском языке // Лингвистический беспредел. Сборник статей к 70-летию А.И. Кузнецовой. М., 2002. С. 106-124.
12. Comrie B. Subjects and direct objects in Uralic Languages: functional explanation of the case system // Études finno-ougrienne XII. Budapest, 1975. P. 15-17.